

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

ДУША, СОГРЕТАЯ ЛЮБОВЬЮ

БЫВАЕТ, НА КАКОМ-НИБУДЬ спектакле мы внимательно смотрим на сцену, следим за сюжетом, но все время чувствуем, что это — театр, а мы зрители. И вдруг перестаем замечать, где мы, не видим мятый задник и облупившиеся декорации. Что же случилось? О, эта великая магия искусства, заключенная в артисте, эти прекрасные и столь редкие минуты сопереживания и потрясения, подаренные нам в награду за долготерпение в ожидании чуда! Наверное, когда мы, забыв о себе, живем мыслями и чувствами других людей, растворяясь в них полностью, — это и есть проявление высокой духовности. И только тогда, когда нас потрясает чья-то иная судьба, мы можем всерьез задуматься о своей и о нашей общей, можем прийти к истоку каких-то очень важных для всех нас истин, постижению высшей правды.

Эти размышления возникли у меня при встречах с актрисой краевого театра имени А. С. Пушкина Ириной Васильевой. Для меня ее выход на сцену всегда праздник. Как будто вместе с ней в спектакль врывается какая-то стихия игры раскованной, в удивительности, чтобы удивить, всколыхнуть, потрясти душу.

Когда в спектакле «История одной любви» по К. Симонову, в котором Васильева играет соседку главных героев, слышатся за сценой ее вокальные пассажи, зрительный зал радостно оживает, а при появлении в комнате Марковых этой пышнотелой, розовощекой фурии с подведенными бровями и губами сердечком, невольно начинаешь смеяться от восторга узнавания жизненного материала, который актриса сумела сделать более ярким и выпуклым, чем тот, что привыкли видеть рядом с нами.

Несколько раз смотрю «Сцены из супружеской жизни»

ни» И. Бергмана, спектакль талантливый и по режиссерскому видению и осмыслению, и по актерской интерпретации. Смотрю и пытаюсь отгадать причину того, что же происходит между актрисой Ириной Васильевой, исполняющей небольшой эпизод, и зрительным залом, который неминуемо замирает при ее появлении и как замороженный, на одном дыхании ловит каждое слово ее короткой исповеди. Я уже буквально наизусть знаю, откуда она выйдет, что скажет, куда сядет, как поднимет руки, когда встанет. И все равно вновь и вновь всматриваюсь в это замкнутое суровое лицо, которое застыло не от природы, а от существования в течение многих лет рядом с нелюбимым человеком, от невозможности выразить себя. Но когда-то наступает предел человеческих сил. И вот на этом самом пределе фру Якоби, героиня Васильевой, предстает пред нами. Несколько минут в ее распоряжении, когда она совершенно незнакомой женщине-адвокату рас-

крывает свою суть. Но этого оказывается достаточно, чтобы зацепить за живое Марианну и всех нас, бесконечно идущих на компромиссы, смиряющихся с двойной жизнью, изо дня в день убивающих в себе душу. И к горлу вновь подступает комок. У меня такое ощущение, что актриса нажимает на какую-то тайную пружину своих и наших чувств, и она распрямляется внезапно, раскрывая нечто спрятанное нами от всех в глубокие тайники.

ЕЕ АКТЕРСКАЯ БИОГРАФИЯ началась более тридцати лет назад в городе Шахты Ростовской области, куда она после школы по воле случая приехала с матерью из Ленинграда. Сначала были сказочные персонажи и роли мальчишек, шустрых и запальчивых, таких, как Петя из «Именем революции». Потом одна за другой появлялись в ее репертуарном списке юные герои. Всех их роднила искренность и детская непосредственность исполнительницы, остро чувствующей фальшь и

несправедливость. Иногда встречались роли, которые в чем-то пересекались с ее собственной судьбой, напоминая о пережитых ею самой жизненных коллизиях. И чем сложнее была ее личная драма, чем резче повороты на пути, тем сильнее чувствовала и могла передать она радость и боль своих героинь.

«Не верю! — иступленно кричала ее Нинка в «Проводах белых ночей» В. Пановой, узнав об измене возлюбленного, и в том крике слышались тоска и отчаяние, и нежелание смириться с возникшей вдруг в сердце пустотой.

Или ее Таня из одноименной пьесы А. Арбузова, большешглазая и настороженная, как испугнутый птенец, но гордая в своем несчастье, находящая в себе силы выстоять в нем, не сломиться.

Появление актрисы Васильевой 20 лет назад в театре имени А. С. Пушкина заметили сразу. Роль Надежды — одной из сестер Ивановых, сыгранная ею в романтической драме А. Арбузова «Домик на окраине», была отмечена дипломом I степени на зональном смотре драматических театров и стала началом ее творческой жизни в Красноярске.

Яркая, острохарактерная актриса, Васильева всегда умела создать интересные и по своему неповторимые образы, каждый из которых еще долго после спектакля продолжает жить в нашем воображении. И в том, что она делала на сцене, проявлялись разные стороны ее дарования — комедийность и музыкальность, умение точно угадать причину того или иного поступка человека и способность несколькими штрихами обрисовать его внешний облик. Но чем дальше, тем больше обозначались в ней иные краски. В ее голосе зрели трагические ноты, и в лучших своих ролях она поднималась до высот истинного драматизма.

Казалось немыслимым сыграть в 34 года старую, истощенную голодом и болезнями, полусумасшедшую Галиху в пьесе А. Островского «Без вины виноватые». Но режиссер В. Радун решил, что сделать это сможет только она. Главное, считал он, уловить не возраст, а состояние души человека. Все же остальное придет как бы само собой. И когда на сцену выходила совершенно потерянная, с блуждающими глазами женщина, потерявшая счет времени, не чувствующая тепла и холода, все силы которой

сводились лишь к поиску хоть какой-то еды, ей верили безоговорочно, не надо было даже грима и костюма.

До сих пор помнится и страстный монолог трактористки Харисовой в исполнении Васильевой, произнесенный в защиту подсудимого Сагадеева из современной драмы А. Абдуллина «Тринадцатый председатель». Ее взволнованная, сумбурная речь, где чувства шли вперехлест с разумом, незримо прорастала в сердце каждого желанием действовать немедленно, сейчас, не соглашаться с ложью, бороться с ней. Особое место в ее сегодняшней жизни занимает роль ночного сторожа Капы из «Вдовья паромов» К. Грекова и П. Лунгина. Это женщина, вся сотканная из противоречий: ханжества и доброты, кликушества и материнской любви к чужому ребенку, — вызывает смешанное чувство презрения, жалости и сострадания ко всем несчастным, неприкаянным, не нашедшим свое счастье.

За ними, такими разными ее героинями, стоит она сама — актриса и человек Ирина Аркадьевна Васильева, со своей судьбой, своими мыслями, своими радостями и горестями, своей темой в искусстве.

— Я часто думаю, почему люди одиноки, — размышляет Ирина Аркадьевна. — Почему они не могут найти родного человека? Ведь жизнь, никому не отданная, как мне кажется, проходит впустую. Может быть, нам трудно друг с другом, потому что не хватает терпения, воли, снисхождения к чужим слабостям? Умение любить, наконец, когда забываешь о себе и думаешь только о том, чтобы другому человеку было хорошо, ведь любовь, как костер. Если в него не подбрасывать топлива, не заботиться о поддержке огня, все погаснет. И ты снова останешься один. Даже если будешь продолжать жить, как прежде. А одиночество вдвоем — самое страшное. И все же тот, чью душу тронула любовь, не потерян для жизни. Он, и только он способен изменить мир и себя в нем.

В сегодняшней афише театра много спектаклей, и только в четырех мы можем встретить актрису Ирину Васильеву, соприкоснуться с ее талантом. А хотелось бы чаще.

Н. САВАТЕЕВА.

НА СНИМКЕ: И. Васильева в спектакле «Сцены из супружеской жизни».

Фото Н. Мищенко.